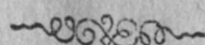
РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

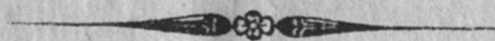
ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

издаваемый

М. КАТКОВЫМЪ

ТОМЪ СТО ШЕСТЬДЕСЯТЪ СЕДЬМОЙ

МОСКВА
Въ Университетской Типографіи (М. Катковъ)
1883

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТОМА СТО ШЕСТЬДЕСЯТЪ СЕДЬМАГО.

СЕНТЯБРЬ.

ОКТЯБРЬ.

ЗАПИСКИ Ѳ. П. ЛЕОНТЬЕВОЙ.

(1811 ,1812 и 1813 ГОДЫ.)

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ этихъ воспоминаніяхъ матери моей мало того что собственно зовется историческимъ. Событія которыя она изображаетъ касаются больше домашней жизни тогдашнихъ дворянъ, и надо вдобавокъ замѣтить что она умолчала здѣсь о многомъ изъ различныхъ нравственныхъ соображеній. Напримѣръ, отецъ ея, Петръ Матвѣевичъ Карабановъ, изображенный съ полною откровенностью и безо всякихъ прикрасъ, показался бы занимательнѣе многихъ лицъ изъ нынѣшнихъ романовъ, но мать моя не рѣшилась говорить о немъ подробно въ этихъ *Запискахъ*, и описала иные эпизоды изъ его жизни особо, въ формѣ отрывковъ, какъ бы вымышленныхъ. Но все это правда, а не вымыселъ, и если будетъ возможно я возстановлю со временемъ истину въ ея разказахъ.

Что касается печатаемыхъ нынѣ воспоминаній ея о годахъ нашей борьбы съ Наполеономъ I, то какъ бы ни были неважны событія будничной жизни тогдашнихъ помѣщиковъ, во всякомъ случаѣ эпоха сама по себѣ интересна, и *Записки* эти тѣмъ хороши что онѣ очень просты и правдивы; отъ нихъ „вѣетъ“ тѣмъ временемъ которое онѣ изображаютъ.

К. Леонтьевъ.

I.

Праздникъ въ селѣ Покровскомъ 19 ноября 1811 года.

15 ноября 1811 года пріѣхалъ къ намъ въ гости одинъ нашъ дальній родственникъ, Николай Петровичъ Вырубовъ. Въ это время былъ рекрутскій наборъ, и отецъ мой * собрался самъ ѣхать въ губернскій городъ для сдачи рекрутъ. Онъ дѣлалъ это потому что наборъ былъ большой, у отца же вмѣстѣ съ дядинымъ имѣніемъ, которымъ онъ управлялъ, было до двухъ тысячъ душъ. Рекрутъ отправили еще прежде. Въ этотъ день, позавтракавъ, отецъ уже собирался въ путь; лошади стояли у крыльца запряженныя въ большія открытыя розвальни. Дорога зимняя была очень плоха; снѣгу мало, коегдѣ голая земля и только-что перестало таять; похоже было на морозъ. Отецъ мой спѣшилъ и уже велѣлъ подать себѣ медвѣжью шубу, какъ вдругъ тройка съ колокольчикомъ вкатила на дворъ. Отецъ поморщился и говоритъ:

— Не въ пору гость хуже Татарина.

Въ эту минуту растворяется дверь, входитъ Вырубовъ, здоровается съ отцомъ, подходитъ къ матушкѣ:

— Bonjour, cousine! цѣлуетъ ей руку и оборачивается къ намъ, то-есть ко мнѣ и къ сестрѣ:—Votre serviteur, mesdames! Mademoiselle Fanny, vous embellissez tous les jours.

Разумѣется, при этихъ словахъ я потупила глаза, покраснѣла до ушей и очень неловко поклонилась.

Вырубовъ былъ лѣтъ тридцати пяти, не хорошъ собой, но и не дуренъ; имѣлъ четыреста душъ. Отецъ мой былъ съ нимъ на дружеской ногѣ; это было рѣдкостью: отецъ мой почти ни съ кѣмъ изъ родныхъ не былъ друженъ.

— Ахъ, чортъ тебя возьми съ твоими рекрутами, говоритъ Вырубовъ,—а я было пріѣхалъ звать тебя къ себѣ въ гости.

—Что̀ тебѣ вздумалось?

— Да вотъ что̀. Многія изъ знакомыхъ мнѣ семействъ назвались ко мнѣ въ гости, я и рѣшился позвать всѣхъ въ одно время чтобы веселѣе было; вотъ и къ тебѣ пріѣхалъ. Отпусти по крайней мѣрѣ сестру съ дочерьми.

* Петръ Матвѣичъ Карабановъ.

Отецъ мой сдѣлалъ большую гримасу, означавшую что ему это очень непріятно. Не знаю почему, но отецъ не любилъ отпускать насъ однѣхъ съ матушкой въ большое общество; онъ былъ самолюбивъ и гордъ; ему пріятно было бы чтобы дочери его показывались въ свѣтѣ и были отличены отъ другихъ, а между тѣмъ онъ боялся чтобы не подумали что онъ насъ старается выказывать. Онъ очевидно колебался между двумя этими чувствами и спросилъ:

— А кто у тебя будетъ?

— Семейство Бѣлкиныхъ, родные ихъ пріѣхавшіе къ нимъ погостить и прочіе.

— Вотъ видишь ли, братъ, сколько незнакомыхъ моимъ дочерямъ.

— Ну, полно! Да если онѣ никуда не поѣдутъ, такъ для нихъ всѣ будутъ незнакомы; неужели ты думаешь что я позвалъ бы твоихъ дочерей еслибъ я не увѣренъ былъ что онѣ блеснутъ. Ты знаешь какъ я тебя и семейство твое люблю.

— Ну, нечего съ тобой дѣлать; быть по сему: отдаю въ твое распоряженіе жену и дочерей; будь имъ безъ меня покровителемъ. А мнѣ пора, надо къ ночи поспѣть къ А. Станкевичу *. А ты, сударыня, обратился онъ къ матушкѣ,—позаботься чтобы дочери были порядочно одѣты; ты сама одѣваешься какъ кулема, пожалуй и ихъ также одѣнешь.

Матушка ничего на это не возразила; вѣроятно привыкла къ подобнымъ комплиментамъ.

Простившись со всѣми, отецъ одѣлся и пошелъ садиться въ сани; мы всѣ его провожали; наконецъ, уѣхалъ. Я побѣжала грѣться; ужасно озябла стоя на крыльцѣ. Матушка съ Вырубовымъ пошли въ гостиную. Я въ своей комнатѣ стояла у печки и грѣлась; вбѣгаетъ сестра Марѳа и съ радостью говоритъ:

— Завтра ѣдемъ! Завтра ѣдемъ!

— Зачѣмъ такъ рано? спрашиваю.

— Вырубовъ говоритъ маменькѣ что намъ надо быть заранѣе, чтобы съ нею посовѣтываться какъ приготовить сюрпризъ.

Отъ того ли что я была робкаго или дикаго нрава, я какъ-

---

* Матушкинъ родной братъ, жившій отъ насъ въ семидесяти верстахъ.

то всего боялась; не было году какъ мы вышли изъ института, ничего еще свѣтскаго не видали, по пріѣздѣ въ деревню ни съ кѣмъ почти не были знакомы; притомъ и самолюбіе мучило, какъ бы не быть хуже другихъ. Я всегда была такого невыгоднаго о себѣ мнѣнія, постоянно боялась сдѣлать что-нибудь смѣшное или неприличное.

— Чего же ты не радуешься? спрашиваетъ сестра.

— Да что-то страшно; все будутъ незнакомые; Богъ знаетъ какъ мы будемъ одѣты! вѣрно хуже другихъ.

— Вотъ какой вздоръ! у насъ все московскія да петербургскія платья и недавно сдѣланы. Танцы будутъ.

— А кавалеры гдѣ? У насъ нѣтъ тамъ знакомыхъ.

— Хозяинъ, cousin Рачинскій...

— Ну, и опять cousin Рачинскій да хозяинъ; все и будемъ съ двумя толочься.

— Хозяинъ доставитъ намъ кавалеровъ.

— Покорно благодарю; вотъ весело чтобъ изъ милости со мной танцовали по чьей-нибудь просьбѣ.

— Видишь какая важность! Да вспомни-ка у К. на балѣ, мы были первые и насъ безпрестанно ангажировали.

— Тамъ все были наши знакомые еще съ малолѣтства.

— Да вспомни только что папеньки тамъ не будетъ.

— Это правда; слава Богу, все пободрѣе.

Насъ позвали обѣдать; тотчасъ послѣ обѣда Вырубовъ уѣхалъ. Во время обѣда онъ нѣсколько разъ со мной заговаривалъ, но получая отъ меня въ отвѣтъ только *да* да *нѣтъ*, оставилъ меня въ покоѣ.

По отъѣздѣ его у насъ начались ужасныя хлопоты о нашемъ гардеробѣ. C'était une corvée. Я думаю, нынче не имѣютъ понятія о нашихъ прежнихъ деревенскихъ праздникахъ. Хозяинъ сзываетъ къ себѣ въ гости въ назначенное время всѣхъ своихъ знакомыхъ; доходитъ иногда человѣкъ до ста гостей, не считая служителей и служительницъ при господахъ. Потомъ до двухсотъ лошадей; никто не поѣдетъ иначе какъ на тройкѣ; при лошадяхъ кучера. Все это живетъ двое, трое и четверо сутокъ; ѣдятъ, пьютъ и веселятся кто во что̀ гораздъ. Итакъ мы уложили туалетовъ на три дня. На другой день, позавтракавъ, засѣли мы въ огромный четверомѣстный возокъ, запряженный въ шесть лошадей. Село Покровское, куда мы ѣхали, было отъ насъ верстахъ въ сорока; но мы должны были на полдорогѣ покормить

лошадей, потому что дорога была не хороша, снѣгу мало, и мы тихо подвигались. На постояломъ дворѣ мы пробыли часа три. Приказано было уже запрягать лошадей, вдругъ входитъ какой-то лакей, снялъ шапку, помолился образамъ и увидѣвъ господъ низко поклонился.

— Чей ты? спрашиваетъ матушка.

— Бѣлкиныхъ.

— Куда ѣдешь?

— Домой.

— Гдѣ былъ?

— У Николая Петровича Вырубова. Господа собираются къ нимъ въ гости, да боятся дороги и послали меня провѣдать какова ѣзда.

— Кланяйся отъ меня Аннѣ Θедоровнѣ * и скажи ей что Карабанова ѣдетъ туда же. Дорога тяжела, но не опасна; проси ее чтобъ она пріѣзжала; я буду рада ее видѣть (матушка была въ молодости знакома съ ней).

— Слушаю-съ.

Мы опять потащились.

Въ послѣдствіи, когда мы хорошо познакомились съ семействомъ Леонтьевыхъ, они намъ разказывали что всей молодежи, Бѣлкинымъ и Леонтьевымъ, отмѣнно хотѣлось попасть на праздникъ къ Вырубовымъ; но старшіе боялись дороги и рѣчекъ, и послали лакея осмотрѣть дорогу. Молодежь, боясь со своей стороны чтобы лакей не настращалъ ихъ стариковъ, попеременно караулили посланнаго чтобы подкупить его и велѣть сказать что дорога хороша. Когда лакей возвратился, не допуская его до старшихъ разспросили. Узнавъ что дорога изрядная и услышавъ отъ него о матушкиныхъ словахъ къ Аннѣ Θедоровнѣ, побѣжали въ гостиную съ радостными криками, говоря: „Дорога хороша, дорога хороша, и Карабанова съ дочерьми поѣхала туда, и васъ велѣла звать". Долго старики не могли понять въ чемъ дѣло; всѣ говорили разомъ; наконецъ, когда все объяснилось, рѣшились ѣхать на другой день и начались сборы.

Мы пріѣхали въ Покровское поздно вечеромъ; нашли тамъ много уже съѣхавшихся гостей, человѣкъ до двадцати. Сперва мы напились чаю, потомъ вскорѣ поужинали и всѣ разошлись по своимъ комнатамъ. Въ домѣ Вырубова жило много

* Бѣлкина.

родныхъ; самъ онъ не былъ женатъ; но старшій братъ съ женой и съ маленькимъ сыномъ жилъ тоже у него; еще сестра старшая, дѣвушка въ лѣтахъ; потомъ племянникъ и племянница; молодые оба, сироты, дѣти родной сестры, Рачинскіе. Племянникъ служилъ въ гусарахъ и былъ въ отставкѣ; племянница воспитывалась въ Смольномъ монастырѣ.

На другой день, когда всѣ гости сошлись къ завтраку, я имѣла случай разсмотрѣть всѣхъ.

Княгиня Ухтомская съ тремя дочерьми. Дѣвушки были изрядныя собой, но двѣ изъ нихъ, которыя были получше, имѣли странную привычку постоянно держать ротъ разинувъ, ce qui leur donnait l'air un peu simple, танцовали хорошо; плясали по-цыгански и были очень развязны въ обращеніи съ мущинами. Мнѣ было это завидно; я чувствовала что дикость и угрюмость моя отмѣнно глупили меня.

Одна пожилая дѣвушка, Озерова, воспитывала сироту, богатую наслѣдницу по фамиліи Энгельгардтъ. Эта дѣвочка была лѣтъ тринадцати, въ траурѣ, закутана въ огромный платокъ и не принимала участія ни въ какихъ удовольствіяхъ, едва поворачиваясь. Личико изрядное, но простое.

Гжа Подвицкая женщина лѣтъ пятидесяти, съ преглупымъ, вѣчно улыбающимся лицомъ. Она была два раза замужемъ. Отъ перваго мужа имѣла дочь, дѣвочку лѣтъ двѣнадцати. Дѣвочка была не дурна собой; прерѣзвая, плясунья, вертушка; обожаема и избалована до крайности матерью. Эта дѣвочка, по фамиліи Якушкина, была совершенною противоположностью дѣвицѣ Энгельгардтъ. Мать, любя дочь свою, страшно всего боялась за нее. Напримѣръ, если дочь ея кто-нибудь похвалитъ, она была въ восторгѣ, но немедленно уводила дочь въ свою комнату, окуривала ее гвоздикой, и если это было вечеромъ, то укладывала спать, боясь чтобъ ее *не сглазили*. Эта дѣвочка постоянно носила на шеѣ черную бархотку которая служила ей талисманомъ противъ недоброжелательныхъ взглядовъ. Повидимому она въ послѣдствіи времени потеряла этотъ талисманъ, comme le beau Pécopin de Victor Hugo, потому что вышедши замужъ она вела прегорькую жизнь. Въ другой разъ мать этой дѣвочки вышла замужъ за Подвицкаго. Онъ былъ полковникъ въ отставкѣ, украшенъ многими орденами за храбрость и поселился въ сосѣдствѣ гжи Якушкиной, которая тогда была вдовой. Онъ былъ бѣдный человѣкъ, а она имѣла состояніе, и онъ, несмотря на то что

она была гораздо его старѣе, женился на ней. У него не было ни образованія, ни манеръ, настоящій выслужившійся солдатъ! Говорили что онъ не изъ высокаго званія. Кстати тутъ разказать о немъ одинъ анекдотъ.

Къ одному изъ его знакомыхъ сосѣдей пріѣхали изъ Москвы два родственника, молодые щеголи, франтики, аристократы. Хозяинъ, желая угостить и повеселить своихъ пріѣзжихъ родныхъ, созвалъ сосѣдей, мущинъ (хозяинъ былъ холостъ), чтобы покутить. Подвицкій былъ въ числѣ приглашенныхъ. Одинъ изъ московскихъ франтовъ, видя неловкость и грубоватость манеръ Подвицкаго, началъ надъ нимъ подтрунивать; Подвицкій кое-какъ отдѣлывался, а тотъ замѣтивъ его сдержанность еще пуще началъ къ нему приставать. Доложили объ обѣдѣ. Во время завтрака гости выпили порядочно; предъ обѣдомъ подали водку, Подвицкаго стало разбирать. За обѣдомъ случилось сидѣть такъ: хозяинъ въ первомъ мѣстѣ, предъ чашей съ супомъ, возлѣ хозяина Подвицкій, возлѣ Подвицкаго сѣлъ франтъ пристававшій къ нему. Онъ и за обѣдомъ не пронялся; только что супъ былъ разнесенъ, чаша стояла еще на мѣстѣ, франтъ обращается къ Подвицкому и дотрогиваясь пальцемъ до каждаго ордена, говоритъ: „Позвольте узнать, господинъ мой, въ какихъ знаменитыхъ дѣлахъ вы получили вотъ этотъ орденъ?... а гдѣ тотъ?... а за что̀ такой-то?“ Подвицкій потерявъ терпѣніе говоритъ: „А вотъ какъ, господинъ мой, я вамъ разкажу по порядку. Въ такомъ-то мѣстѣ, мы шли сражаться; при нашемъ полку была одна пушка. Когда мы замѣтили что непріятель былъ близко, я тотчасъ изъ пушки выстрѣлилъ вотъ такъ“. Въ самую эту минуту Подвицкій держалъ франта одною рукой, а другою взялъ свою тарелку и разбилъ о голову франта, тотъ было хотѣлъ вскочить, но Подвицкій, держа его крѣпко рукой, схватилъ суповую чашу, прибавивъ: „А вотъ это главная батарея начала дѣйствовать“. Смятеніе было всеобщее, франтъ вскочилъ съ мѣста, бѣжитъ въ лакейскую; другой франтъ, пріѣхавшій съ нимъ, побѣжалъ за нимъ. Хозяинъ и гости всѣ вышли изъ-за стола, пошли за ними. Избитый, выпачканный франтъ выбѣжалъ въ сѣни, потомъ на крыльцо, кричитъ: „Лошадей, лошадей!“ Другой франтъ, пріѣхавшій съ нимъ, увидѣвъ намѣреніе товарища бѣжать и боясь чтобъ онъ его тутъ не оставилъ, подбѣжалъ къ нему и сзади схватилъ его за фалды.

Тотъ, полагая что это Подвицкій, оборачивается къ нему и начинаетъ его бить, не замѣчая въ страхѣ что это его товарищъ. Этотъ отвѣчаетъ ему такими же побоями; началась ужасная потасовка, и пока хозяинъ и прочіе гости разнимали ихъ, Подвицкій стоялъ на верхнихъ ступеняхъ лѣстницы и кричалъ оттуда: „У лю-лю! у лю-лю"! Два московскіе франта ушли или, лучше сказать, скрылись къ хозяину въ кабинетъ и тотчасъ уѣхали.

Обратимся къ описанію гостей.

Два брата Озерова, лѣтъ по тридцати пяти, помѣщики, сосѣди. Меньшой былъ незначителенъ ни личностію, ни умомъ. Но старшій былъ прекрасный человѣкъ. Онъ былъ роста невысокаго, очень хорошо сложенъ, лицо такъ пріятно и умно что все бы на него смотрѣлъ; а когда заговоритъ, то и отойти не хочется, все бы слушалъ. Но, къ несчастію, всѣ эти достоинства были помрачены однимъ вѣтренымъ поступкомъ; вотъ его короткая исторія.

Онъ остался сиротой круглымъ, какъ говорится, еще въ малолѣтствѣ своемъ, и былъ воспитанъ двоюроднымъ своимъ дядей, богатымъ человѣкомъ. По окончаніи воспитанія, дядя записалъ его въ военную службу. Онъ былъ очень молодъ; служилъ во всѣхъ кампаніяхъ которыя были противъ Французовъ до 1812 года; былъ храбръ, получилъ много орденовъ и вышелъ въ отставку полковникомъ. Онъ не былъ богатъ и жилъ праздно въ своей деревенькѣ. Однажды лѣтомъ, въ сосѣднемъ лѣсу прилежащемъ къ его деревнѣ, расположился цыганскій таборъ. Какъ онъ, такъ и прочіе молодые люди жившіе неподалеку забавлялись всѣми цыганскими продѣлками. Озеровъ имѣлъ несчастіе влюбиться въ одну изъ Цыганокъ, дочь атамана, и пожелалъ взять ее къ себѣ. Отецъ ея согласился на слѣдующемъ актѣ: „что Озеровъ когда вознамѣрится отпустить ее отъ себя, долженъ заплатить ей пятнадцать тысячъ ассигнаціями или жениться на ней". Озеровъ подписалъ и взялъ ее къ себѣ. Человѣкъ съ его умомъ, воспитаніемъ, чиномъ, находившійся всегда въ лучшемъ обществѣ, не могъ не почувствовать вскорѣ что сдѣлалъ вѣтреность. Онъ былъ очень любимъ всѣми своими знакомыми; всѣ искали его общества. Мущины, разумѣется, ни мало не заботились о томъ что̀ онъ сдѣлалъ; но молодыя дамы и дѣвушки, по предупрежденію своихъ матерей и мужей, чуждались его. Для него это было очень грустно; онъ очень любилъ дамское

общество, а дома отнюдь не былъ вознагражденъ обществомъ грубой, необразованной Цыганки. Она надоѣла ему; онъ желалъ бы отъ нея отдѣлаться, но пятнадцать тысячъ!—гдѣ ихъ взять? Скандала не хотѣлъ: онъ слишкомъ былъ самолюбивъ; онъ покорился судьбѣ, но сдѣлался задумчивъ, началъ помаленьку отдаляться отъ знакомыхъ, говорятъ, будто бы частенько напивался пьянъ съ горя. Иногда старинные его знакомые умѣли его завлечь къ себѣ, при какомъ-нибудь общемъ весельи; онъ нѣсколько какъ будто ободрялся находясь съ людьми знававшими его въ добрую эпоху его жизни; дѣлался опять любезенъ, остроуменъ и всѣхъ восхищалъ своимъ отличнымъ обращеніемъ. Пріѣхавъ на праздникъ въ село Покровское, онъ очень обрадовался увидѣвъ матушку; онъ былъ знакомъ съ ней съ самаго малолѣтства, и такъ какъ старшій его братъ былъ женатъ на матушкиной сестрѣ, то это почти сроднило ихъ; они вспомнили старину и много между собою говорили. Онъ былъ такъ добръ что замѣтивъ нашу съ сестрой робость, отчужденность отъ новаго общества, занимался часто нами и старался насъ сблизить съ молодежью того и другаго пола чтобы намъ было не скучно.

Но будемъ продолжать. Впрочемъ, кажется, изъ присутствовавшихъ тутъ особъ никого больше не было достойнаго замѣчанія, кромѣ одного молодаго человѣка прозваннаго *шомполомъ*, вѣроятно потому что онъ былъ худъ и безо всякой таліи, съ головы до ногъ весь ровный, и держался также прямо какъ шомполъ.

Что касается гостей, то мы болѣе поджидали новыхъ лицъ, Бѣлкиныхъ и Леонтьевыхъ. Хозяинъ сказалъ намъ что они будутъ къ вечеру. Утромъ матушка съ хозяиномъ толковали о сюрпризѣ для всѣхъ гостей. Ему хотѣлось представить аллегорическую живую картину, которая изображала бы дружбу и благодарность хозяина къ посѣтившимъ его. Много дѣлали эскизовъ на бумагѣ, наконецъ остановились на томъ что двѣ нимфы или полубогини должны быть въ блестящей бѣлой одеждѣ, съ вѣнками и вуалями на головѣ; между ними жертвенникъ; на этомъ жертвенникѣ одна нимфа поддерживаетъ вазу, а другая льетъ въ нее ѳиміамъ; на жертвенникѣ подписано: *Дружбѣ*. Нимфами назначены были Катенька Рачинская и я. По обыкновенію, я очень боялась всѣхъ представленій, сомнѣваясь въ своей ловкости; какъ бы самолюбіе ни подстрекало меня, но этотъ паническій страхъ все отравлялъ. Матушка занялась

костюмами; усадила всѣхъ дѣвушекъ и велѣла мнѣ надсматривать за ихъ работами, объяснивъ мнѣ чего ей хотѣлось въ этихъ костюмахъ. Матушка и сестра ушли внизъ къ гостямъ; я осталась въ нашей комнатѣ и выходила иногда въ сосѣднюю, гдѣ сидѣли работницы. Мнѣ подали онѣ вуаль изъ бѣлаго *петинета* *, усѣянный золотыми блестками и съ золотою бахромой. Взявъ вуаль, я пошла въ свою комнату и хотѣла его примѣрить, вдругъ шибко отворилась дверь, вбѣгаетъ въ комнату сестра, блѣдная, и дрожащимъ голосомъ говоритъ:

— Знаешь ли что̀? Папенька пріѣхалъ!

Я не могла ни слова вымолвить чувствуя что во мнѣ, кажется, вся жизнь замерла. Слустя нѣсколько минутъ сестра говоритъ: „Ну, пойдемъ; теперь вѣрно можно войти къ папенькѣ; онъ прямо съ дороги на антресоли пошелъ къ хозяину въ комнаты; ему подавать стали одѣваться, а Никаноръ Петровичъ пришелъ предупредить маменьку; она сконфузилась и оба долго шептали; я думаю что они говорили о сюрпризѣ; ты знаешь что папенька не любитъ этого". Я была такъ поражена что не двигалась, сестра взяла меня за руку и почти потащила за собой. Она всегда была смѣлѣе меня.

Пока мы сходили по лѣстницѣ въ нижній этажъ, я подумала какъ будетъ досадно хозяину что сюрпризъ не удался; а еще того хуже если батюшка провѣдаетъ что матушка собиралась выставить меня на сцену; ей шибко достанется. У меня сердце ужасно замирало.

Когда мы сошли, матушка поджидала насъ въ залѣ и съ гнѣвомъ сказала намъ: „Ну, что̀ вы тамъ мѣшкаете? пойдемте скорѣе". Надо было идти на антресоли; мы всѣ трое успѣли, какъ говорятъ Французы, composer nos figures и вошли съ улыбающимися лицами, хотя на сердцѣ кошки скреблись. Хозяинъ дома былъ тамъ; это насъ ободрило; мы знали что отецъ мой любилъ его и вѣроятно при немъ не сдѣлаетъ никакой непріятной сцены. Увидѣвъ насъ, отецъ прежде всего взглянулъ на наши лица, и хотя они улыбались, но онъ былъ уменъ, понималъ внушаемый имъ всегда страхъ, не довѣрялъ съ перваго взгляда никакимъ пріятнымъ минамъ и всегда наморщивалъ лобъ. Поздоровавшись съ нами, онъ тотчасъ окинулъ глазами нашъ костюмъ и повидимому остался

---

* Такъ назывался тогда сырцовый тюль.

имъ доволенъ, потому что улыбнулся. На насъ были черныя шелковыя платья, только что сшитыя въ Москвѣ. Сестра была острижена и волосы вокругъ завиты; я носила тогда прическу à la comtesse de Grignan; она была въ модѣ. Эта прическа состояла изъ множества буколь, которыя начиная изъ-за-ушей падали по лицу и дѣлали очень граціозною хорошенькую физіономію. Говорили что прическа очень ко мнѣ шла.

— Какимъ манеромъ ты сюда попалъ? спросила матушка.

— Никакого средства нѣтъ ѣхать; снѣгу ничего не осталось; я едва дотащился до Богородицкаго *, думалъ-думалъ да и рѣшился отправить гонца въ С...... чтобы меня не дожидались къ сдачѣ рекрутъ, а начинали бы ихъ сдавать. Написалъ кое къ кому чтобы моихъ взяли подъ защиту; нынче такой большой наборъ! А самъ задумалъ пріѣхать сюда.

— Ты отлично, братъ, придумалъ, говоритъ Вырубовъ.

— Да, это правда, сказала матушка,—чѣмъ одному дома сидѣть.

Мы съ сестрой старались какъ можно пріятнѣе улыбаться.

— Не пора ли намъ внизъ? спрашиваетъ отецъ.

— Хорошо! говоритъ Вырубовъ:—только постой на минуту, а дамы пускай идутъ; мнѣ до тебя есть просьба.

Отецъ мой всталъ было чтобъ идти, но опять сѣлъ послѣ этихъ словъ; мы всѣ три ушли и, ни слова не говоря дорогой, дошли до гостиной. Я увѣрена что въ головѣ у насъ была одна мысль, это предполагаемый сюрпризъ. Не знаю что̀ думали матушка и сестра, но у меня во время этого короткаго пути перешло въ головѣ много. Я думала, согласится или не согласится отецъ; если не согласится, то сколько матушкѣ и мнѣ предстоитъ горя; батюшка будетъ сердиться на обѣихъ насъ за то что осмѣлились рѣшиться на такой подвигъ безъ него и даже безъ его согласія. А если согласится? Каково будетъ трепетать мнѣ при мысли что на меня устремлены сотни глазъ! Я отъ страху надѣлаю вздору, всѣ будутъ насмѣхаться, отецъ будетъ взбѣшенъ, и мнѣ останется вѣковѣчный попрекъ за мою неловкость.

Что̀ было говорено между моимъ отцомъ и Вырубовымъ, не знаю, но когда они вмѣстѣ вошли въ гостиную, то оба казались довольны. Увидѣвъ отца моего, всѣ его знакомые

---

* Имѣніе дяди моего, А. Станкевича.

послѣшно стали къ нему подходить и здороваться съ разными восклицаніями удивленія; отецъ мой уже лѣтъ пять рѣдко показывался въ свѣтѣ; на эту отчужденность отъ общества было много причинъ, о которыхъ говорить здѣсь не мѣсто. Незнакомые мущины кланялись ему съ большимъ почтеніемъ; отецъ мой игралъ довольно значительную роль въ своемъ уѣздѣ, умомъ, родомъ, связями и богатствомъ. Вниманіе дамъ, знакомыхъ и незнакомыхъ, было все обращено на него. Онъ отмѣнно былъ красивъ, несмотря на то что ему было около 45 лѣтъ; одѣвался щегольски, заказывалъ свой гардеробъ по столицамъ, у лучшихъ портныхъ. Подошедши къ дамамъ, онъ разсыпался предо всѣми разными комплиментами и любезностями и пріобрѣлъ въ нѣсколько минутъ всеобщее благоволеніе. Между тѣмъ хозяинъ шепнулъ нѣсколько словъ матушкѣ и она повела меня наверхъ въ наши комнаты; дорогой она сказала мнѣ что батюшка согласился, но хочетъ видѣть костюмы и имѣть нѣсколько понятія о сюрпризѣ. Матушка, войдя въ комнату, собрала всѣ принадлежности моего костюма и дожидалась отца. Онъ не замедлилъ придти; тутъ показали ему картинку или эскизъ сюрприза; матушка прикидывала на меня поперемѣнно то букетъ, то вуаль, то гирлянду. Казалось, отецъ мой остался доволенъ и, подтвердивъ свое согласіе, сошелъ внизъ, а хозяинъ остался. По уходѣ отца, матушка спросила у него: „Скажи пожалуста какъ тебѣ это удалось уговорить его?“ Тотъ отвѣчалъ: „Легче нежели я воображалъ; я поставилъ ему на видъ что красота Mlle Fanny при этомъ случаѣ еще болѣе блеснетъ.“ Тутъ я по обыкновенію потупила глаза и покраснѣла, тѣмъ болѣе что Вырубовъ при этихъ словахъ взглянулъ на меня очень выразительно. Хозяинъ продолжалъ: „Потомъ я объяснилъ ему что въ нашемъ околоткѣ эти живыя картины вошли въ моду, и довершилъ тѣмъ что я никогда не захочу выставить дочь его на сцену если это будетъ неприлично; онъ согласился и хотѣлъ посмотрѣть на костюмъ и на эскизъ. Вотъ и все. Mlle Fanny, ne perdez pas courage, vous serez délicieuse avec ce costume! Mesdames, je vous quitte; cousine, ne tardez pas à descendre, on va bientôt diner!

Сойдя внизъ, мы застали еще вновь пріѣзжихъ гостей, трехъ братьевъ Энгельгардтъ. Я не нашла въ нихъ замѣчательнаго ничего, кромѣ того что они всѣ трое были очень дурны собой. Тогда обѣдывали еще засвѣтло если обѣдъ былъ не парадный. Тотчасъ послѣ обѣда всѣ разбрелись

кто-куда. Комнаты скоро были освѣщены, и всѣ начали помаленьку сбираться внизъ. Хозяинъ имѣлъ музыку, хотя и не знаменитую, но весьма достаточную для танцевъ. Въ нашемъ краю тогда у многихъ была музыка. Онъ затѣялъ танцы. Это было часовъ въ 7 вечера. Онъ меня ангажировалъ на экосезъ; только что мы расплясались, человѣкъ о чемъ-то доложилъ хозяину; этотъ поспѣшно подошелъ ко мнѣ и сказалъ: „Pardon, Mlle Fanny; je dois vous quitter, il m'arrive du monde, mais voici un remplaçant, votre cousin Рачинскій." Я поклонилась, и онъ ушелъ; танцы продолжались. Отецъ мой часто посматривалъ на насъ въ танцахъ; онъ любилъ танцы, хотѣлъ чтобы мы танцовали хорошо и доставлялъ намъ лучшихъ танцмейстеровъ. Характерные танцы были тогда въ большой модѣ, и мы по выходѣ изъ Екатериненскаго института брали уроки у знаменитой тогда танцовщицы Колосовой. Когда хозяинъ извинился предо мной и ушелъ, я посмотрѣла на отца. Онъ стоялъ у печи; она была старинной моды, большая, съ уступами и разными фигурами; облокотясь на высокій уступъ и занеся одну ногу на другую, онъ направилъ свой взглядъ прямо на ту дверь откуда ожидали входа гостей. Онъ отмѣнно былъ хорошъ тогда, прекрасная поза, величественный взглядъ, маленькая улыбка, нѣсколько ироническая, невольно заставляла каждаго взглянуть на него.

Первыми вошли три брата Леонтьевы. Старшій шелъ впереди и, поправляя рукой волосы, говорилъ хозяину, шедшему съ нимъ рядомъ: „Чортъ знаетъ что̀ за дорога! я думалъ что мы никогда не доѣдемъ". Во время этихъ словъ онъ былъ уже посреди залы, и первый гость котораго онъ увидѣлъ былъ мой отецъ, смотрѣвшій на него пристально; Леонтьевъ, сдѣлавъ шага два впередъ, поклонился ему очень почтительно; отецъ мой отвѣчалъ учтивымъ поклономъ съ привѣтливымъ лицомъ. Хозяинъ отрекомендовалъ ихъ другъ другу, и ушелъ къ другимъ гостямъ. Леонтьевъ пошелъ здороваться съ дамами и мущинами которыхъ онъ зналъ. Отецъ отошелъ отъ печи и подвинулся на средину залы, пока хозяинъ шелъ съ двумя стариками. Одинъ былъ Бѣлкинъ, другой Леонтьевъ, близкіе между собой родные. У Бѣлкина было лицо добродушное, но простое; у Леонтьева очень умное. Отецъ мой, какъ дворянинъ одного уѣзда и нѣсколько знакомый, подошелъ къ Бѣлкину и привѣтствовалъ его. Бѣлкинъ съ такою же учтивостью, поклонясь, отрекомендовалъ

ему родственника своего Леонтьева. Я смотрѣла на всѣхъ съ любопытствомъ и нѣкоторымъ страхомъ; я боялась всѣхъ этихъ пріѣзжихъ гостей. Ихъ было много въ двухъ семьяхъ: два старика, трое молодыхъ мущинъ; одна пожилая дама, Бѣлкина, съ ней три дочери и четыре племянницы Леонтьевыхъ,—все молодыя дѣвушки. Чѣмъ бы обрадоваться такой компаніи, я страшилась заранѣе и воображала что онѣ всѣ красавицы, ловкія, отлично образованныя, свѣтскія; вѣроятно будутъ надо мной насмѣхаться и все во мнѣ критиковать, платье, манеры, и проч., и проч.

Оба старика были небольшаго роста; оба одѣты очень прилично по лѣтамъ.

Гжѣ Бѣлкиной на лицо казалось не болѣе сорока лѣтъ; она была высокаго роста, очень стройная; черты лица прекрасныя, но что-то неблагосклонное въ нихъ; бѣлокурая. Изъ трехъ ея дочерей одна вторая была хороша; остальныя двѣ—незначительныя.

Четыре сестры Леонтьевы тоже не имѣли замѣчательныхъ лицъ; почти всѣ брюнетки, собой не хороши и не дурны. Всѣ эти семь дѣвицъ были одѣты очень просто, кажется въ канифасныхъ или каленкоровыхъ платьяхъ.

Изъ трехъ братьевъ Леонтьевыхъ, старшій былъ высокаго роста и несмотря на свою тучность, имѣлъ довольно стройную фигуру; глаза голубые, довольно умные, съ густыми бровями; цвѣтъ волосъ какой-то неопредѣленный; вообще черты лица неправильныя, но очень пріятныя; ловокъ въ танцахъ и развязенъ въ обществѣ; двадцати восьми лѣтъ; служилъ въ гвардіи; вышелъ въ отставку двадцати лѣтъ по какимъ-то непріятностямъ въ полку. Второй братъ на мой вкусъ былъ вполнѣ красавецъ; высокаго роста, очень строенъ, брюнетъ, со смуглымъ оттѣнкомъ и съ прекраснымъ цвѣтомъ лица. Глаза темно-сѣрые, голубоватые; выраженіе глазъ скромное, но отмѣнно вкрадчивое; губы прелестныя; зубые бѣлые и ровные; волосы черные, немного вились, и онъ умѣлъ пользоваться этимъ, причесывая ихъ съ большимъ вкусомъ и къ лицу. Танцовалъ прекрасно, имѣлъ хорошій голосъ и пѣлъ съ большимъ чувствомъ, аккомпанируя себѣ на гитарѣ или на фортепіано; вообще во всѣхъ своихъ манерахъ былъ тихъ, но граціозенъ. Онъ нигдѣ еще не служилъ; такъ хотѣлъ его отецъ. Третій братъ былъ замѣчателенъ тѣмъ что двадцати одного года былъ неимовѣрно и уродливо толстъ. Онъ тоже

былъ брюнетъ, но съ лицомъ желтоватымъ, какъ у не совсѣмъ здороваго человѣка. Черты лица не хороши, но выразительны. Недостатки физическіе онъ замѣнялъ веселымъ, шутливымъ характеромъ; безпрестанно острилъ; не знаю хороши ли были его остроты, но замѣтно было что въ томъ кругу гдѣ онъ находился часто хохотали.

Нашъ экосезъ еще не кончился, потому что я была въ первой парѣ и по обыкновенію первая пара имѣла право кончить экосезъ: до меня еще не доходила очередь, а очень хотѣлось кончить. Вотъ старшій Леонтьевъ подходитъ и здоровается съ моимъ кавалеромъ; потомъ нагнувшись спросилъ у него что-то тихо; Рачинскій отвѣчалъ такъ же. Потомъ Рачинскій самъ у Леонтьева спросилъ что-то вполголоса, а тотъ отвѣчалъ такъ что я могла слышать: „толстеньки; bien nourries". Рачинскій спросилъ громко: „И только?" Леонтьевъ пожалъ плечами и отошелъ. Я тотчасъ разспросила у Рачинскаго объ ихъ разговорѣ.

Онъ мнѣ сказалъ:—Леонтьевъ спросилъ меня объ васъ обѣихъ, кто вы; я отвѣчалъ: „Les demoiselles Karabanoff" и потомъ самъ спросилъ у него какъ вы обѣ ему показались, онъ отвѣчалъ: „толстеньки, bien nourries". Каковъ?

— Mais il est vrai, cousin, que nous sommes passablement grasses, говорю я,—на деревенскихъ хлѣбахъ отъѣлись.

— Non, cousine; il y a bien une autre raison pour qu'il soit aveugle pour tout le monde, excepté la princesse Barbe Ухтомская: il est amoureux d'elle. Ce printemps, au mois de mai, Léontiew a été à la foire de notre district, et on a même parlé de mariage entre eux, car la princesse l'aime aussi.

Я ничего не отвѣчала на это и попавъ въ первую пару, кончила экосезъ. Нѣсколько времени прошло безъ танцевъ; пили чай. Я издали осматривала новопріѣзжихъ дѣвицъ и нашла что онѣ всѣ не граціозны, не хороши и не хорошо одѣты, однако все же боялась ихъ. Кузина моя Рачинская тоже была не граціозна, и въ танцахъ такъ высоко поднимала локти что гадко было смотрѣть; я имѣла глупость сказать ей объ этомъ, увѣряя что въ Петербургѣ никто такъ не танцуетъ. Она повидимому осталась недовольною, промолчала и ушла. Наконецъ опять начались танцы; всѣ новоприбывшія дѣвицы танцовали, кавалеровъ было en profusion. Я танцовала со вторымъ Леонтьевымъ, и съ этой минуты мы оба, казалось, вѣкъ свой были знакомы. Танцы тогда были не то что нынче,

никто не ходилъ: экосезъ, вальсъ, русская кадриль, матрадуръ были такого рода танцы въ которыхъ тотчасъ замѣтны были граціозность и неловкость. Мазурку танцовали на польскій манеръ, и мы съ Леонтьевымъ вторымъ такъ свыклись какъ въ мазуркѣ такъ и въ прочихъ танцахъ что я тотчасъ съ одного его движенія понимала какую фигуру начать или какой сдѣлать жестъ. Отецъ восхищался нами, я была этимъ окуражена и танцовала съ душой; всѣ любовались, и Леонтьевъ безпрестанно танцовалъ со мной, ангажируя меня такъ часто какъ только позволяло приличіе. Чувство любви родилось въ обоихъ насъ почти одновременно и продлилось бы надолго еслибы люди тому не помѣшали.

Старшій Леонтьевъ танцовалъ съ княжной Barbe Ухтомской. Княжны танцовали лучше прочихъ дѣвицъ, которыя были въ танцахъ неподвижны и неловки, а иныя уже слишкомъ вертлявы и всѣ поднимали локти. Кузина Рачинская тотчасъ дала мнѣ замѣтить что всѣ также танцуютъ, поднимая локти какъ и она. Я хотя была робка, но когда бывало затронутъ мое самолюбіе, я оживлялась и позволяла себѣ небольшія выходки. Я поняла что она хотѣла меня пикировать тѣмъ что мы только двѣ съ сестрой не умѣемъ танцовать; я съ ироніей отвѣчала: „Да, кузина, ваша правда; я нахожу что вы всѣ очень хорошо дѣлаете поднимая такъ высоко локти: вы всѣ похожи на птицъ, которыя поднимаютъ крылья собираясь летѣть“. Не знаю поняла ли она меня, но опять промолчала и ушла, а я тутъ только опомнилась что сказала грубость.

Несмотря на то что моя матушка и гжа Бѣлкина познакомили насъ каждая со своими дочерьми, мы какъ-то не сходились; я замѣтила три партіи: Ухтомскіе и Рачинскіе—одна партія, Бѣлкины и Леонтьевы—другая, а мы съ сестрой—особенная партія, не имѣвшая никого постороннихъ. Во время танцевъ я спросила у одной изъ Бѣлкиныхъ или Леонтьевыхъ, не помню у которой: „Aimez vous la danse, mademoiselle“?—„Oui“! отвѣчала она и тотчасъ отвернулась отъ меня, и во все время говорила съ одною изъ двоюродныхъ своихъ сестеръ. Эта неудачная попытка сдѣлала меня осторожнѣе, и я по дикости характера ни къ кому болѣе не адресовалась съ разговорами. Даже и сестра моя, у которой характеръ былъ веселѣе и обходительнѣе моего, ни къ кому какъ-то не пріютилась. Въ этотъ вечеръ танцовали часовъ до десяти, потомъ былъ ужинъ, и всѣ разошлись. Тутъ кстати замѣтить

что во всѣ дни, сколько гости пробыли, мнѣ приходилось сидѣть противъ гжи Бѣлкиной и старика Леонтьева. Я упоминаю объ этомъ потому что это vis-à-vis имѣло отчасти вліяніе на мою судьбу. Столъ былъ очень длинный по количеству гостей, а между тѣмъ узкій, такъ что всѣ кто сидѣлъ другъ противъ друга могли свободно и не громко разговаривать. Я замѣчала иногда что Бѣлкина и Леонтьевъ, говоря между собою что-то въ полголоса, посматривали на меня. Это ужасно меня конфузило. Обѣ эти особы раза два адресовались ко мнѣ черезъ столъ съ какими-то вопросами; тутъ я совсѣмъ терялась, бормотала что-то сквозь зубы, краснѣла до ушей и опускала глаза. Я готова была сейчасъ перемѣнить мѣсто, но и тутъ смѣлости не достало: дня два сидѣла все на этомъ мѣстѣ и вдругъ перемѣнить! что̀ скажутъ, что̀ подумаютъ? да и гдѣ сѣсть? Всѣ въ продолженіе этихъ дней такъ разобрались и свыклись что за обѣдомъ и за ужиномъ каждый шелъ прямо на свое мѣсто.

На другой день назначенъ былъ парадный обѣдъ, вечеромъ сюрпризъ и затѣмъ балъ. Всѣ дамы, дѣвушки и мущины были съ утра одѣты попарадному. Ахъ, какая тоска! съ утра затянута въ корсетъ, въ бѣломъ шелковомъ платьѣ которое, надо признаться, было прекрасно. Изъ легкой бѣлой матеріи, съ простою отдѣлкой внизу и съ узенькою блондочкой около ворота и рукавовъ. Платья наши были сшиты въ Петербургѣ у M-me Lecomte, лучшей тогда портнихи. Когда всѣ гости собрались въ гостиную, я пришла въ ужасъ: всѣ были одѣты просто, въ какихъ-то тряпковатыхъ бѣлыхъ или пестрыхъ платьяхъ; мы только двѣ съ сестрой были въ шелковыхъ. Всѣ на насъ бросали какіе-то странные взгляды; я еще болѣе отдалилась отъ молодой компаніи и считала себя съ сестрой двумя отверженными паріями. Причесана я опять была по тогдашней модѣ à la Grignan. Прочія же дѣвушки были причесаны почти всѣ съ маленькими буклями около ушей; косы на гребняхъ. Я теперь помню въ какое несносное расположеніе духа меня привело все это. Лицо мое всегда выражало мои чувства; я не умѣла ихъ скрывать. Я думаю что выраженіе лица моего было очень сердито; за что̀? спросятъ; и сама не знаю. Я думаю за то что нарядъ мой обратилъ на меня вниманіе, а я не любила быть предметомъ замѣчанія; мнѣ всегда казалось что надо мной насмѣхались. Я искала глазами помощи отъ кого-нибудь; взглянула на

матушку, она въ это время говорила съ хозяйкой дома о нашихъ платьяхъ, разказывала гдѣ и у кого шиты; опять эти мерзкія платья! И какъ я ни боялась отца, рѣшилась отыскать его глазами. Онъ стоялъ между мущинами, не знаю о чемъ былъ разговоръ, но онъ смотрѣлъ на насъ съ гордою улыбкой; я нѣсколько ободрилась, рѣшилась пошевельнуться и ушла сѣсть въ уголъ.

Послѣ завтрака хозяинъ предложилъ до обѣда играть въ фанты; я не любила фантовъ, особенно тѣхъ гдѣ требовался умъ, напримѣръ, синонимы, мнѣнія и прочее; не терпѣла также окончаній фантовъ, то-есть разносить чай или другое что̀; цѣлуйся со всѣми да и только! Или гори и дожидайся пока кто придетъ выкупить. Я была очень неловка въ фантахъ, а потому часто попадалась и должна была исполнять приказанія всѣхъ играющихъ. Всѣ однако съ удовольствіемъ согласились; нечего дѣлать, пошла и я. Насъ всѣхъ привели въ небольшую комнату, которая одною стороной выходила окнами въ садъ, а другая сторона была овальная; около всей стѣны былъ узенькій диванчикъ на возвышеніи; на это возвышеніе всходили по двумъ ступенькамъ обитымъ зеленою клеенкой. Хозяинъ пригласилъ дамъ сѣсть полукружкомъ на диванчикѣ, а мущины остались внизу и сѣли по стульямъ. Такъ какъ по тѣснотѣ комнаты нельзя было играть въ рѣзвые фанты, то-есть à la toilette, à la guerre или въ сосѣди, то и начались проклятые синонимы. Мущины со своихъ мѣстъ предлагали разные вопросы; нѣкоторые говорили разныя двусмысленности, конечно приличныя; нѣкоторые съ ловкостію и легкостію вскакивали на возвышеніе, предлагали дамамъ объясненія синонимовъ или сами требовали растолкованія тѣхъ которыхъ не понимали. Говоръ, смѣхъ, были безпрестанные, и я, какъ ни боялась синонимовъ и хоть пыхтѣла отъ досады, но иногда отъ души смѣялась и забавлялась разными замѣчаніями которыя многіе дѣлали съ большимъ остроуміемъ. Такимъ образомъ незамѣтно время подошло къ обѣду. Я забыла сказать что когда дамы, по приглашенію хозяина, всходили на ступеньки, то я слышала какъ будто нижняя ступенька стукала: когда сама наступила на нее, то почувствовала что она подъ ногами зашевелилась и стукнула; никто на это не обратилъ вниманія. Хозяинъ вошелъ и обратясь къ дамамъ сказалъ:

— Mesdames, je viens vous annoncer qu'on va diner.

Мы начали помаленьку вставать съ диванчика и хотѣли сходить съ возвышенія; но хозяинъ быстро подскочилъ къ нижней ступенькѣ и разомъ приподнялъ ее ногой. Въ ту же минуту на всемъ протяженіи ступеньки начали бить фонтанчики довольно близко одинъ отъ другаго. Мы всѣ вскрикнули; а мущины, ужь не знаю, были ли они въ заговорѣ, только нисколько не удивились и кричали:

— Bravo! c'est charmant! Mesdames, vous êtes prisonnières.

Потомъ подсмѣивались надъ нами что мы будемъ безъ обѣда если не призовемъ ихъ на помощь. Между тѣмъ старшіе мущины и дамы подошли къ дверямъ и смѣялись надъ нами. И мы то смѣялись, то совѣтовались какъ бы сойти чтобы насъ не очень вымочило. Струйки правда были тонкія, но довольно высоки и порядкомъ могли замочить если тихо переходить. Бассейнъ около фонтанныхъ трубочекъ былъ жестяной во всю длину и ширину ступеньки и насыпанъ пескомъ ровно съ краями, такъ что вода уходила въ песокъ. Наконецъ одна изъ княженъ Ухтомскихъ, ловкая и проворная, кликнула:

— Cousin Рачинскій! donnez la main et tenez ferme! и въ то же мгновеніе была уже внизу какъ бѣлка. Рукоплесканія ужасныя! Ея сестры послѣдовали за нею, поддерживаемыя кавалерами; la princesse Barbe разумѣется, par son adorateur Léontiew Nicolas. Прочія дамы хотя и послѣдовали ихъ примѣру, но тихо, осторожно, подзывая: кто „mon frère", кто „mon cousin". Я приходила въ отчаяніе; насъ оставалось немного; „Боже мой! думалось мнѣ: шелковое платье! букли! звать никого не рѣшусь на помощь." Къ счастію хозяинъ, который замѣтно ухаживалъ за мной (какъ это въ послѣдствіи времени открылось), увидѣвъ мое несчастіе написанное на моемъ лицѣ, сказалъ что у него устала нога поддерживать доску ступеньки, опустилъ ее, и мы прошли, какъ древле Израильтяне, „по морю аки по суху". Пока мы шли за столъ, я подошла къ хозяину и сказала:

— Merci, mon oncle.

— Moi! votre oncle? vous me croyez donc trop agé * pour pouvoir être autre chose pour vous? Nommez moi au moins votre cousin.

---

* Тогда ему было тридцать пять лѣтъ.

Конечно я на это не отвѣчала и думала: „Вотъ чѣмъ обидѣлся? Я вѣдь знаю что онъ внучатный братъ папенькѣ; какъ же я смѣю назвать его cousin!“

За обѣдомъ неразлучная моя vis-a-vis, Mme Бѣлкина, обратилась ко мнѣ съ вопросомъ:

— Вы не замочили своего платья?

— Нѣтъ-съ, отвѣчала я.

— Слава Богу! сказала она,—это было бы очень жаль; такое прелестное платье!

Она улыбнулась, казалось мнѣ, иронически, и начала вполголоса разговаривать съ постояннымъ своимъ сосѣдомъ, старикомъ Леонтьевымъ.

Послѣ обѣда, немного спустя, одинъ за однимъ всѣ разбрелись по своимъ комнатамъ чтобъ отдохнуть и приготовиться къ балу, а я горемычная должна была готовиться къ новому несчастію, то-есть къ сюрпризу.

Когда комнаты освѣтились, всѣ гости собрались въ гостиную и въ прочія комнаты. Залу заперли со всѣхъ сторонъ; меня и кузину Рачинскую провели какими-то закоулками въ залу, такъ что насъ никто не видалъ.

Зала была большая, длинная; когда изъ прихожей входили въ двери съ длиннаго конца, первымъ предметомъ который бросался въ глаза на противоложномъ концѣ залы была огромная старинная печь изъ пестрыхъ кафель; эта печь выдавалась впередъ отъ стѣны и была украшена колонками, вазочками, и могла, съ легкою натяжкой, быть принята за маленькій древній храмикъ. По обѣимъ сторонамъ отъ печи, къ двумъ боковымъ стѣнамъ шли два довольно большіе простѣнка, которые въ обыкновенное время были заняты стульями, но на этотъ разъ были отгорожены ширмами, за которыми сидѣли музыканты, такъ что ихъ совсѣмъ было не видно, но музыка разумѣется была слышна. У передняго фаса печи было сдѣлано маленькое возвышеніе во всю ширину печи, но впередъ выдавалось немного; всходили на него двумя или тремя ступеньками. На площадкѣ стояло что-то въ родѣ жертвенника, на жертвенникѣ ваза, въ которую была вложена горячая плитка; мы, двѣ граціи, или лучше сказать, двѣ богини, изображающія Дружбу и Благодарность, должны были по двумъ сторонамъ жертвенника стоять въ красивыхъ позахъ. Одна лила изъ сосуда ѳиміамъ на жертвенникъ; другая держала въ рукѣ надъ жертвенникомъ маленькій овальный транспарантъ, окруженный

гирляндой изъ искусственныхъ цвѣтовъ; на транспарантѣ было написано очень крупными буквами: *Дружбѣ и Благодарности.* Позади транспарантика были придѣланы двѣ трубочки съ восковыми короткими свѣчками, такъ что слова были видны на порядочномъ разстояніи и очень ясно. Печь была иллюминована, а также и та часть залы гдѣ находился сюрпризъ, менѣе нежели на шестую долю залы; за то остальная часть ея была почти въ темнотѣ. Костюмы наши: бѣлыя платья, внизу обшитыя золотою бахромой, сверхъ ихъ туники изъ тонкой и легкой матеріи, испещренныя блестками и разными золотистыми и серебристыми фигурками. Волосы причесаны на лбу гладко, en bandeau, за ушами по нѣскольку локоновъ которые падали по плечамъ; съ головы и до колѣнъ вуали, тоже блестящіе, придержанные вѣнками изъ натуральныхъ оранжерейныхъ цвѣтовъ.

Когда насъ устанавливали и все приводили въ желанный видъ,—этимъ занималась матушка съ Вырубовымъ,—отецъ мой стоялъ поодаль и судилъ объ эффектѣ. Наконецъ покончили; отецъ вышелъ въ прихожую и прошелъ въ боковыя комнаты, какъ-будто ничего не подозрѣвая. Хозяинъ дома пригласилъ гостей посмотрѣть на *сюрпризъ*, о которомъ конечно одна половина посѣтителей знала, а другая подозрѣвала. Матушка моя стояла у дверей чтобы кто-нибудь прежде времени не вошелъ нечаянно. Мнѣ до смерти хотѣлось видѣть отъ дверей и судить объ эффектѣ; я попросила матушку, она позволила мнѣ посмотрѣть; я сбѣжала со ступенекъ, прямо къ дверямъ. Право, видъ былъ не дуренъ, и только что я успѣла снова принять условленную позу, какъ матушка приказала музыкантамъ играть какую-нибудь увертюру или симфонію. Не помню что̀ играли и изъ какого композитора; я была въ страшномъ смятеніи, потому что при первыхъ звукахъ музыки двери распахнулись и всѣ почти разомъ вошли въ залу, впереди дамы, сначала почтенныхъ лѣтъ, потомъ молодыя; за ними вслѣдъ мущины... Все это ахало и восклицало, а меня била лихорадка. Отецъ мой шелъ позади всѣхъ; въ темнотѣ его никто не замѣтилъ, и онъ могъ слышать безпристрастное мнѣніе всего общества. Онъ остался отмѣнно доволенъ, ибо только и слышалъ со всѣхъ сторонъ: „Bravo! Charmant! délicieux! Какъ онѣ милы обѣ!", и проч., и проч. Наконецъ насмотрѣвшись, старшій Леонтьевъ говоритъ кавалерамъ: „Messieurs! quoique des déesses, mais elles doivent être

un peu génées de leur pose; allons, de l'audace!", подходитъ къ музыкантамъ и говоритъ: „играй польскій"! Музыканты тотчасъ заиграли польскій; Леонтьевъ подалъ мнѣ руку, сказавъ: „Aimable déesse, votre main je vous prie". Я поставила сосудъ на жертвенникъ, подала руку; онъ свелъ меня со ступенекъ и началъ польскій. Кто-то взялъ другую богиню, прочіе мущины адресовались къ простымъ смертнымъ и составился огромный польскій. Залу тотчасъ освѣтили; всѣ увидѣли моего отца и засыпали его комплиментами. Онъ былъ въ восхищеніи; Леонтьевъ, сведшій меня со ступенекъ, совсѣмъ побѣдилъ его этимъ поступкомъ.

Пройдя круга два польскаго, мы тотчасъ съ кузиной скрылись и пошли переодѣться. Я опять надѣла свое шелковое платье, но локоны были уже не на щекахъ, а за ушами. Для меня въ эту минуту самая глупая прическа казалась бы прекрасною; я совершенно ожила послѣ *сюрприза*: всѣ мои опасенія кончились, я стала веселѣе и бодрѣе.

Въ этотъ вечеръ много танцовали. Леонтьевъ старшій такъ часто со мной танцовалъ что другіе почти не имѣли случая меня ангажировать. Когда же и не танцовалъ со мной, то безпрестанно ко мнѣ подходилъ, говорилъ мнѣ разные комплименты, любезности, остроты и проч. У меня другихъ отвѣтовъ почти не было, какъ „да", „нѣтъ" или улыбка на какую-нибудь остроту или смѣшной анекдотъ; de sorte que c'est lui seul qui faisait tous les frais de la conversation. Меня, правда, удивляло нѣсколько такое ухаживанье за мной, * но я что-то не обращала на это вниманія. Разъ, однако, пока онъ сидѣлъ возлѣ меня и болталъ всякій вздоръ, я отвернувшись нѣсколько въ сторону увидѣла княжну Barbe, сидѣвшую противъ насъ. Унылый и грустный видъ съ которымъ она очень внимательно на насъ смотрѣла поразилъ меня; тутъ-то только я вспомнила что cousin Рачинскій сказывалъ мнѣ объ обоюдныхъ чувствахъ старшаго Леонтьева и княжны Barbe, и о намѣреніи его сдѣлать ей предложеніе. Отчаянный видъ княжны открылъ мнѣ глаза, и я внезапно пришла въ такое негодованіе что обратясь поспѣшно къ Леонтьеву съ презрѣніемъ на него поглядѣла. Видно взглядъ мой былъ очень страненъ, потому что Леонтьевъ видимо изумился. Я чувствовала что мнѣ хотѣлось

---

* Послѣ его отзыва о насъ съ сестрой: „толстеньки".

сказать ему что-нибудь непріятное; но замѣтивъ его удивленіе я поняла что сдѣлала какую-то глупость, испугалась, поспѣшно встала и едва промолвивъ: „Pardon monsieur“, почти побѣжала въ гостиную и сѣла возлѣ матушки, которая играла въ карты и не замѣтила вѣроятно меня. Я безпрестанно смотрѣла на дверь залы, боясь что Леонтьевъ придетъ требовать объясненія моего неумѣстнаго поступка.

Было уже довольно поздно; всѣ до-сыта натанцовались; пора было помышлять объ ужинѣ. Хозяинъ, хотѣвшій чтобы гости его не скучали пока до ужина, приглашалъ въ другія комнаты играть въ фанты; когда онъ подошелъ ко мнѣ съ тѣмъ же предложеніемъ, я, подъ вліяніемъ только что случившагося со мной маленькаго происшествія, не выдержала и съ сердцемъ сказала: „Ah! mon Dieu! encore ces gages!“

— Comment, cousine, vons n'aimez donc pas jouer au gages touchè? спрашиваетъ Вырубовъ.

— Je ne l'aime pas, parcequ' il faut toujours faire de l'esprit et je suis trop sotte pour cela.

Вырубовъ расхохотался.—Heureux les pauvres d'esprit! Allons, chère cousine, je vais proposer des gages qui ne seront pas pénibles pour votre petit esprit: on va jouer aux *Сосѣди*.

— A la bonne heure! говорю, и пошли оба въ другую гостиную.

Забыла сказать что къ концу бала всѣ дѣвицы не поднимали уже локтей выше плечъ, но держали низко, прижавъ къ таліи. Во время танцевъ сестра подошла ко мнѣ и сказала на ухо:—Ты не замѣчаешь что локти-то опустились у барышень?

— Какъ не замѣтить! говорю,—а я забыла сказать тебѣ какую я сдѣлала глупость съ кузиной Катей!

Я разказала мой совѣтъ о локтяхъ; сестра очень смѣялась и сказала:—Теперь я пойду поздравить ее съ перемѣной.

— Полно, Mimi *; она разсердится опять.

— Eh, qu'est ce que cela fait? c'est une sotte.

Она прямо отправилась къ Рачинской и говоритъ ей:—Ah, cousine, куда дѣвались ваши крылышки, съ которыми вы такъ легко летали; видно они вамъ надоѣли что вы ихъ опустили.

---

* Такъ мы называли сестру Марθу.

Рачинская, разумѣется, разсердилась и, ничего не сказавъ, отвернулась отъ нея; а сестра, смѣясь, ушла отъ нея и стала на свое мѣсто въ экосезѣ. Сестра танцовала прекрасно и не могла видѣть безъ смѣха когда кто кривлялся въ танцахъ.

Надобно признаться что всѣ эти продѣлки не очень располагали молодыхъ дѣвицъ въ нашу пользу. Вѣроятно Рачинская передавала другимъ мои слова и сестрины; хотя барышни отчасти намъ обязаны были тѣмъ что стали держать себя граціознѣе въ танцахъ, но все негодовали на насъ, и мы съ ними, или онѣ съ нами, никакъ не могли сойтись.

Обратимся къ фантамъ. Когда мы вошли въ гостиную, всѣ уже сидѣли попарно, составивъ длинный овалъ. Мы съ хозяиномъ отыскали два стула и сѣли въ этомъ овалѣ. Кто-то не имѣлъ пары и пошелъ спрашивать поочереди у каждой пары довольны ли своимъ сосѣдомъ; по большей части отвѣтъ былъ что „не довольны“ и требовали другаго; бѣготня, смѣхъ, иногда маленькое столкновеніе; страшныя извиненія; фантъ съ того кто не попадалъ на вакантное мѣсто. Я недолго сидѣла съ моимъ сосѣдомъ; старшій Леонтьевъ тотчасъ меня потребовалъ, и снова началъ комплименты, превозносилъ чувства любви вѣрной, постоянной и только что не объяснился совсѣмъ. Раза два насъ разлучали; но онъ всегда какъ-то успѣвалъ присоединиться ко мнѣ и продолжалъ свои розказни. Наконецъ я вышла изъ терпѣнія и говорю ему:—Точно ли вы увѣрены въ томъ что̀ говорите?

— Почему же нѣтъ? спрашиваетъ Леонтьевъ.

— Вы проповѣдуете о постоянныхъ чувствахъ; спросите у своего сердца, долго ли ваше постоянство продолжается?

— Я васъ не понимаю.

— Можетъ-быть между дѣвицами которыя находятся въ здѣшнемъ обществѣ есть которымъ вы говорили то же самое мѣсяца два или три тому назадъ.

— Конечно... можетъ-быть... Но вѣдь могло быть пустое дѣло, легкое чувство... Когда встрѣчаешь что-нибудь достойнѣе...

— Дѣвушка которая не высоко думаетъ о себѣ должна полагать что въ свѣтѣ она много встрѣтитъ дѣвицъ достойнѣе ея; и не можетъ ли случиться что говоренное сегодня ей, будетъ сказано другой... достойнѣйшей?

Я не знаю куда бы завелъ насъ этотъ разговоръ еслибы хозяинъ не позвалъ всѣхъ ужинать.

Я была сердита. Должно-быть это было замѣтно, потому что мои vis-à-vis посматривали на меня за ужиномъ и наконецъ старикъ Леонтьевъ сказалъ мнѣ: „Вѣрно вы очень устали; по вашему лицу это замѣтно“. Мнѣ очень хотѣлось ему отвѣтить: „Совсѣмъ нѣтъ, я сердита на вашего сына“.

Что̀ за диковинка: робка, дика, а сколько я наговорила вздора; кому наставленіе, кому выговоръ, кому почти дерзость. Положимъ, съ Леонтьевымъ цѣль у меня была хорошая—желаніе добра; негодовала за обиду другой. А все-таки глупо, очень глупо поступила... И это еще въ 17 лѣтъ; чего же ожидать далѣе!

На другой день, утромъ, когда всѣ гости собрались къ завтраку, начали многіе поговаривать объ отъѣздѣ, въ томъ числѣ и мы; но хозяинъ и слышать не хотѣлъ. Онъ и родные, жившіе съ нимъ, такъ пристали съ просьбами остаться что всѣ согласились.

Хозяинъ объявилъ что для занятія гостей онъ желалъ бы устроить вечеромъ маскарадъ; если кто пожелаетъ имѣть костюмы, то у него де есть разные. Сначала всѣ, казалось, какъ будто сконфузились этимъ импровизованнымъ bal masquè, но скоро опомнились, особенно когда услышали что костюмы есть, съ удовольствіемъ приняли это предложеніе и тотчасъ начались совѣщанія шепотомъ; наконецъ почти всѣ разбѣжались по своимъ комнатамъ, даже и мущины, уже не молодые. Тогда какъ-то незамѣтно было чтобы мущины пренебрегали этого рода удовольствіями. Мы съ сестрой не заботились о костюмахъ; у насъ было ихъ два, русскій и венгерскій. Въ то время въ большой модѣ было учить дѣвицъ характернымъ танцамъ и заставлять ихъ въ костюмахъ дебютировать на простыхъ или фамильярныхъ вечерахъ. По выпускѣ нашемъ изъ института, знаменитая тогда танцовщица Колосова учила насъ разнымъ танцамъ и давала намъ на фасонъ свои театральные костюмы, съ которыхъ и наши были пошиты.

Когда собрались къ обѣду, то у молодежи начались допросы: кто и какъ будетъ одѣтъ; разумѣется, настоящаго никто не говорилъ, а отвѣчали что будто кто кошкой, кто вороной и тому подобное. Нынче примутъ это за пошлость; тогда не было столько политиковъ, литераторовъ, администраторовъ, конспираторовъ; были большею частію военные, или готовящіеся вступить въ военную службу, или только-

что вышедшіе въ отставку, отдохнуть. Тогда вѣдь Европой управлялъ Наполеонъ; онъ никому не давалъ времени заниматься чѣмъ-нибудь кромѣ войны.

За обѣдомъ моя vis-à-vis гжа Бѣлкина спросила у меня:

— Навѣрное у васъ петербургскіе костюмы?

Я, дура, покраснѣла и отвѣчала:—да-съ.

— Какіе же они?

Я была сконфужена и вѣроятно бы все разказала еслибы ко мнѣ на помощь не пришелъ старикъ Леонтьевъ, сказавъ: Mademoiselle est si bien que tous les costumes lui iront". Я еще больше покраснѣла, однако простила ему вчерашнее замѣчаніе касательно моего сердитаго лица, не потому что была довольна его комплиментомъ, а потому что онъ вывелъ меня изъ затрудненія отвѣчать гжѣ Бѣлкиной.

Вотъ и маскарадъ начался часовъ въ 7 вечера. Музыка загремѣла; старыя дамы и мущины давно уже сидѣли въ залѣ и поджидали замаскированныхъ. Съ двухъ сторонъ начали входить попарно, дамы изъ гостиной, мущины изъ прихожей.

Княгиня Ухтомская мать была одѣта колдуньей; держала въ рукѣ корзинку съ билетиками, свернутыми въ трубочки; на билетикахъ написаны были разныя предсказанія будущей судьбы. Она подносила къ каждому свою корзину; кто бралъ— развертывалъ и по большей части громко читалъ предсказаніе, которое нерѣдко возбуждало смѣхъ если было смѣшное. Кстати тутъ сказать что княгиня подошла къ старшему Леонтьеву и подала ему сама билетъ. Леонтьевъ развернувъ его, подошелъ къ лампѣ и громко прочиталъ: „не откладывай своего намѣренія жениться на той на которой задумалъ прежде". Многіе это слышали. Леонтьевъ поднялъ билетъ надъ лампой, зажегъ его, дунулъ и пустилъ по воздуху черный пепелъ, которой падалъ клочками на полъ; при этомъ Леонтьевъ громко проговорилъ: „Пусть это намѣреніе, ежели оно когда было, разсѣется такъ же какъ этотъ прахъ"! Боже мой! каково должно было быть положеніе княгини и княжны Barbe!

Всѣ три княжны были одѣты Цыганками.

Двѣ дѣвицы изъ общества Бѣлкина и Леонтьева — маркизами, siècle de Louis XV.

Старшій Леонтьевъ—кучеромъ.

Озеровъ старшій—снопомъ. Весь былъ обернутъ прямою гладкою соломой, но безъ колосьевъ; перевязью на снопѣ

была полоса изъ бумаги, на которой крупными буквами было написано: „Нужды нѣтъ что колосьевъ нѣтъ, а мы погуливаемъ“. Это было примѣнено къ 1811 году, который былъ очень неурожаенъ.

Мы съ сестрой въ русскихъ платьяхъ, какія всегда видимъ на театрѣ. Мы обѣ боялись идти однѣ безъ покровителя; но всѣ были въ маскахъ, и мы не знали къ кому пріютиться. Матушка сжалилась надъ нами, послала къ Озерову съ запиской, въ которой просила его прислать ей мужской костюмъ изъ его гардероба, попокойнѣе. Я сказала, кажется, что Озеровъ былъ небольшаго роста. Онъ прислалъ матушкѣ широкіе шаровары, польскую венгерку и польскую шапочку. Матушка надѣла все это, замаскировалась, взяла насъ обѣихъ подъ руки и повела въ гостиную гдѣ собирались замаскированныя дамы. Онѣ были очень недовольны тѣмъ что мущина осмѣлился явиться въ дамское отдѣленіе, но сестра хозяина растолковала имъ эту загадку, всѣ успокоились и начали входить; мы съ матушкой были послѣ ними. Всѣ маски сдѣлали нѣсколько круговъ по залѣ; кавалеры присоединились къ намъ; заиграли польскій и насъ стали ангажировать. Леонтьевъ старшій стоялъ нѣсколько минутъ какъ будто чего-то или кого-то отыскивая, наконецъ подошелъ прямо ко мнѣ и ангажировалъ. Во время польскаго онъ сказалъ:

— Красавица конечно съ Охты?

— Нѣтъ; а вотъ ты ямщикъ конечно не изъ Выдропускаго яма, а изъ имѣнія г. Леонтьева.

— Maudite taille! je ne puis jamais me déguiser sans être reconnu.

— En me parlant d'Oxta vous şaviez donc que parmi les jeunes personnes qui se trouvent ici, aucune n'a été à Pétersbourg, excepté moi?

— Peut-être, mademoiselle! mais dans cette occasion c'est mon coeur qui m'a guidé.

Опять глупость! опять напросилась на двусмысленные отвѣты.

Польскій продолжался еще нѣсколько времени; старые мущины вздумали отнимать дамъ у молодыхъ; безпрестанно смѣнялись однѣ съ другими. Матушка давно ушла чтобы раздѣться; многіе, особенно мущины, одинъ за однимъ скрывались, перемѣняли костюмы и возвращались въ обыкновенныхъ своихъ платьяхъ. Потомъ и нѣкоторыя изъ дамъ. Я

не знала что мнѣ дѣлать. Матушки не было; отецъ издали смотрѣлъ на насъ очень пристально, потомъ подошелъ и велѣлъ намъ снять маски. Снимая свою, я взглянула на дамъ и увидѣла что княжны Ухтомскія и многія другія дѣвицы сняли маски и въ костюмахъ прохаживались по залѣ. Мнѣ смертельно хотѣлось уйти и раздѣться. Стала уговаривать сестру; она показала мнѣ глазами на батюшку, и я не смѣла шевельнуться. Наконецъ вошла матушка и сѣла возлѣ насъ. „Слава Богу!" подумала я.

Въ это время мы увидѣли что хозяинъ подошелъ къ княжнамъ и, казалось, упрашивалъ ихъ о чемъ-то; онѣ повидимому нѣсколько отнѣкивались, но потомъ дали свое согласіе. Хозяинъ бросился къ своимъ музыкантамъ и велѣлъ играть цыганскую плясовую. При звукѣ этой музыки зала стала наполняться; со всѣхъ сторонъ сходились гости; въ дверяхъ нельзя было пройти отъ служанокъ и служителей.

Смотрю, двѣ княжны стали среди залы и начали плясать по-цыгански. Я оледенѣла, взяла сестру за руку и шепотомъ говорю: „Насъ заставятъ плясать. Я умру!" Хотя она была смѣлѣе меня, но кажется и она струсила. Я ничего не видала, опустила глаза и думала: „Онѣ вѣрно пляшутъ чудесно, а мы?! надъ нами будутъ насмѣхаться! Отецъ убьетъ насъ". Между тѣмъ по временамъ мнѣ казалось что я слышу какія-то вскрикиванія, въ родѣ, „ги, ги! га, га"! чувствую что сестра дергаетъ меня за руку и глазами указываетъ на пляшущихъ. Ахъ, какъ это было гадко! Обѣ княжны старались вздрагивать всѣмъ тѣломъ, носились по залѣ съ мѣста на мѣсто, сбѣгались вмѣстѣ, подскакивали, подтряхивались, пригикивали. Подъ конецъ мнѣ даже стало неловко, видно я была въ это время въ нервномъ настроеніи. Посмотрѣла изъ подлобья на отца; онъ стоялъ прислонясь къ стѣнѣ и съ презрительною улыбкой смотрѣлъ на пляску. На прочихъ физіономіяхъ я ничего особеннаго не замѣтила, ни одобренія, ни ироніи. Глядь! отецъ мой скрылся, пляска съ минуту еще продолжалась и кончилась, все это захлопало, а плясуньи кланяются во всѣ стороны. Я ожила, отца не было въ залѣ.

О, ужасъ! хозяинъ подходитъ ко мнѣ съ миловидною улыбкой.

— Mlles Fanny et Mimi, est ce que vous ne nous ferez pas le plaisir de danser votre charmante Russe?

— Ah, mon cousin, au nom du ciel...

— Сестра, да прикажи же имъ плясать, обращается Вырубовъ къ матушкѣ.

— Ты видишь что онѣ дикарки, боятся. По мнѣ пожалуй себѣ; только спроси у Петра Матвѣича.

Хозяинъ побѣжалъ къ моему отцу; я была ни жива ни мертва, сдѣлала пресердитую рожу и все ворчала на матушку. Она молчала. Меня еще больше приводило въ отчаяніе что гости всѣ чего-то ожидали; замѣтно было что они впередъ объ этомъ знали, все посматривали на насъ. Молодые кавалеры одинъ за однимъ ушли вслѣдъ за хозяиномъ. Вдали былъ слышенъ говоръ; судьба наша рѣшалась. Наконецъ хозяинъ вошелъ съ предлиннымъ лицомъ, подошелъ къ старикамъ Бѣлкину и Леонтьеву и покачалъ головой. Тѣ оба встали и пошли съ хозяиномъ къ отцу моему. Гжа Бѣлкина встала и подойдя къ матушкѣ уговаривала ее заставить насъ плясать. Матушка отговаривалась нашею робостью. Бѣдная! она не рѣшилась сказать что безъ воли мужа она ничѣмъ не смѣетъ распоряжаться.

Увы! входитъ отецъ, сопровождаемый хозяиномъ, двумя почтенными стариками и нѣкоторыми молодыми людьми, подходитъ къ нашей группѣ, гдѣ еще гжа Бѣлкина все стояла и упрашивала. Отецъ мой, когда она замолчала, обратился къ намъ и сказалъ:

— Всему здѣшнему обществу угодно чтобы вы плясали; подите и пляшите.

Всѣ поблагодарили отца. Хозяинъ говоритъ мнѣ:

— Подите, cousine, прикажите музыкантамъ какую вамъ играть русскую пѣсню и на какой тактъ.

Я встала, но чувствовала что ноги подгибаются; хозяинъ, шедшій возлѣ меня, сказалъ:

— Боже мой, какъ вы блѣдны! Ободритесь же! Развѣ вы не знаете что вы прелестно танцуете?

Я ничего не отвѣчала ему; подойдя къ музыкантамъ спросила:

— Вы знаете русскую пѣсню: *По улицѣ мостовой?*

— Знаемъ-съ.

— Ну такъ ее играйте.

Между тѣмъ подошла сестра, и замѣтивъ что я почти совсѣмъ растерялась, говоритъ музыкантамъ:

— Послушайте, играйте не очень скоро, но и не тихо; среднимъ, ровнымъ, отрывистымъ тактомъ; начинайте.

Она заставила ихъ проиграть раза три, и мы стали на мѣсто. Надо было перемѣнить мину. „Бѣдныя актрисы! подумала я: иногда у васъ Богъ знаетъ какъ скребетъ на сердцѣ, а вы должны показывать веселое лицо.“

Начали. Слерва я насилу двигалась, но страхъ отца придалъ мнѣ силы. Между тѣмъ я начинала слышать какой-то одобрительный ропотъ, и при всякой новой фигурѣ: „Прелесть! чудо! вылитая Колосова!“ Ободрилась и славно отплясала. При сдѣланномъ нами публикѣ поклонѣ, поднялись рукоплесканія, комплименты; кто бросался къ отцу, кто къ матушкѣ, кто къ намъ; мы безпрестанно кланялись, благодарили и подвигались къ дверямъ чтобъ уйти. Толпа была ужасная и пока мы продирались сквозь нее, слышимъ, о ужасъ! *фора!* повторяемое множествомъ голосовъ; хозяинъ побѣжалъ за нами, остановилъ въ дверяхъ и говоритъ цѣлуя наши руки:

— Назадъ! папенька приказалъ! *Фора! фора!*

Воротились, и окураженныя, прекрасно, еще лучше плясали. Всѣ стучали руками и ногами, кричали; старшій Леонтьевъ ударилъ себя въ лобъ и громкимъ голосомъ сказалъ:

— Еще третій разъ, и я застрѣлюсь!

Третій разъ мы не плясали, и онъ на бѣду мою не застрѣлился.

Мы съ сестрой убѣжали въ нашу комнату, сняли костюмы, немного отдохнули, надѣли черныя платья и пришли въ гостиную. Здѣсь старшіе играли въ карты или разговаривали. Въ залѣ составился хоръ. Всѣ молодые мущины и дѣвушки пѣли хоровую пѣсню, которая тогда вошла въ моду, хотя была вовсе незатѣйливая. Вотъ она сколько могу припомнить:

Одинъ голосъ: *

Поѣдемъ мы, муженюшка,
Въ торгъ торговать.
Купимъ мы, муженюшка,
Курочку!

Хоръ:

Курочка по сѣнюшкамъ тюкъ, тюрю-рюкъ.

---

* Запѣвалой былъ нѣкто Лунинъ, имѣлъ хорошій и вѣрный голосъ; прочіе подхватывали.

Одинъ голосъ: „Поѣдемъ"... и прочее до четвертой линейки, гдѣ вмѣсто *курочки* поется *уточку*.

Хоръ:

Уточка съ носка плоска, курочка по сѣнюшкамъ, тюкъ, тюрю-рюкъ.

И такъ далѣе, одинъ голосъ при всякомъ куплетѣ перемѣняетъ названіе животнаго, напримѣръ: гусыньку, пыранку, козочку, свиночку и проч.

Хоръ при всякомъ новомъ названіи животнаго подхватываетъ имя сейчасъ названнаго и повторяя всѣ тѣ которыя были прежде названы, оканчиваетъ курочкой, приговаривая нѣчто похожее на крикъ каждаго животнаго:

Свиночка—чуфры-муфры!
Козочка—чихи-брихи!
Пыранка—пыпы-рарогъ!
Гусанька—гого, гого!
Уточка съ носка плоска!
Курочка по сѣнюшкамъ тюкъ, тюрю-рюкъ!

Голосъ пѣсни былъ тоже незначительный, но спѣлись хорошо, шло ладно и съ удовольствіемъ можно было слушать. Мы съ сестрой сѣли поодаль, слушали и смотрѣли. Отца нашего не было тутъ; немного спустя онъ вошелъ и позвалъ насъ къ себѣ въ отдаленную комнату. Тамъ стояло фортепіано и были ноты нѣкоторыхъ тогда извѣстныхъ піесъ. Батюшка заставилъ сперва играть сестру. По тогдашней методѣ мы играли порядочно; нынче мы никуда не годились бы. Сестра играла лучше и смѣлѣе меня. Для чего меня не заставили прежде; я вѣдь старшая; mais j'ai eu du guignon partout. Сестра кончила Rondo par Dussek и встала; я сѣла и взяла *Calife de Bagdad*. Все шло порядочно, я уже коснулась финала, вдругъ слышу: „C'est une jolie ouverture que le *Calife*". Финала не кончила, руки отнялись отъ робости. Отецъ сдѣлалъ гримасу и вполголоса сказалъ:

— Пошла вонъ!

Я встала; каково мое было удивленіе! горница была полна гостей; я рада радехонька была уйти.

Послѣ ужина, придя въ нашу комнату, я спросила у матушки когда мы ѣдемъ.

— Завтра утромъ, послѣ чая; надѣньте дорожныя платья.

Назавтра одѣлись по-дорожному, а матушка даже и сапоги косматые надѣла; напились чаю, сошли внизъ. Почти

всѣ гости были въ сборѣ и почти всѣ одѣты по-дорожному. Кто разговаривалъ, кто прощался, вдругъ откуда ни возьмись хозяинъ и все его семейство, окружили всѣхъ, убѣдительно просятъ остаться обѣдать; хозяинъ даетъ честное слово больше не останавливать и что во время обѣда всѣ экипажи будутъ готовы. Тутъ начались споры, отнѣкивались, соглашались. Матушка торжественнымъ тономъ объявила что она „ни для чего въ мірѣ не останется“.

— А почему бы такъ? сказалъ вошедшій отецъ мой.

— Да помилуй, батюшка, я уже и сапоги косматые надѣла.

Всѣ засмѣялись.

— Да причина важная, сказалъ отецъ и обратясь къ хозяину добавилъ:—Николай, мы обѣдаемъ у тебя.

— Что̀ жь ты съ нами дѣлаешь? говоритъ матушка.—Вѣдь на дорогѣ придется ночевать.

— Нѣтъ! мы поѣдемъ въ Богородицкое.

Это имѣніе роднаго брата моей матушки. Услышавъ что мы ѣдемъ туда, она пошла снять свои сапоги, совершенно успокоившись.

Въ это утро никто ничѣмъ особенно не занимался; ходили по залѣ, разговарили, звали другъ друга въ гости. Старшій Леонтьевъ почти не отходилъ отъ моего отца и такъ умѣлъ ему понравиться что для поддержанія его знакомства отецъ мой пригласилъ всѣхъ мущинъ къ себѣ когда имъ заблагоразсудится, лишь бы предупредили его хоть за день, для того чтобъ онъ не отлучился.

За нѣсколько времени предъ обѣдомъ хозяинъ, замѣтивъ что я была одна, подошелъ ко мнѣ и спросилъ вполголоса:

— Вы захватили съ собою вашъ альбомъ?

— Да, отвѣчала я.

— Позволите написать въ него нѣсколько словъ?

— Конечно, съ величайшимъ удовольствіемъ. Сейчасъ принесу.

— Нѣтъ, cousine, не безпокойтесь, я самъ схожу наверхъ и спрошу его у вашей горничной, я не хочу чтобъ его видѣли здѣсь.

— Хорошо! отвѣчала я, и мы разошлись.

Въ то время альбомы въ большой были модѣ, каждая молодая дама и дѣвушка непремѣнно должна была имѣть альбомъ, въ который всякій писалъ что̀ вздумалось. У меня былъ прехорошенькій, въ немъ было много рисунковъ и стиховъ. Конечно, не всѣ были хороши, но къ счастію мой альбомъ не

стивался, а всѣ листки лежали отдѣльно въ ящичкѣ, или въ картончикѣ, котораго наружность изображала альбомъ и запирался онъ серебряною застежкой. Такимъ образомъ я могла всегда выбрасывать то что̀ мнѣ не нравилось *.

Въ скоромъ времени хозяинъ возвратился и сказалъ мнѣ: „Альбомъ вашъ возвратилъ вашей горничной. Пожалуста cousine не смѣйтесь надъ тѣмъ что̀ я вамъ написалъ; если оно не краснорѣчиво по крайней мѣрѣ искренно". Я его поблагодарила и пошла обѣдать. Тотчасъ послѣ обѣда бо̀льшая часть гостей разъѣхалась, почти всѣ прощаясь говорили „до свиданья", но многіе съ тѣхъ поръ никогда не видались.

Вечеромъ мы были у дяди, намъ были очень рады и я также была довольна; кромѣ того что я любила дядю и тетку, мнѣ смертельно хотѣлось отдохнуть ото всѣхъ передрягъ. Когда я ложилась спать мнѣ пришли на мысль трое моихъ поклонниковъ, хозяинъ дома, старшій и меньшой Леонтьевы. Сравнивая ихъ между собой, я остановилась на мысли что меньшой Леонтьевъ лучше всѣхъ во многихъ отношеніяхъ, и заснула. На другой день вспомнила объ альбомѣ; и вотъ что̀ тамъ нашла:

Благодарность милой музѣ, въ день пріятнаго сюрприза въ селѣ Покровскомъ, 19 ноября 1811 года.

Увидя музу удивился
И самому себѣ сказалъ:
Съ тѣхъ поръ какъ я родился,
Ей подобной не видалъ.

Кого жъ натура одарила,
И столько прелестей дала,
Душой ангела наградила
То Фани милая была.

И всѣ зрители въ восхищеньи,
Любуясь ею говорили,
Бывъ въ подобномъ удивленьи,
Мое мнѣніе подтвердили.

Наставъ Выразитъ. **

Пробывъ два дня у дяди мы возвратились домой.

Что сказать о праздникѣ? были минуты пріятныя для самолюбія болѣе чѣмъ для сердца, а главное то что на этомъ праздникѣ была рѣшена моя участь.

(Продолженіе будетъ).

---

* Альбомъ этотъ цѣлъ у меня до сихъ поръ. Въ немъ есть стихи графа Хвостова. *Прим.* К. Леонтьева.

** То-есть: Николай Вырубовъ.